

© 1990 г.

В. А. Тишков

АССАМБЛЕЯ НАЦИЙ ИЛИ СОЮЗНЫЙ ПАРЛАМЕНТ?

(Этнополитический анализ состава Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР)

Долгие десятилетия изучением феноменов государства и власти в нашей стране занимались или философы — на уровне общетеоретических конструкций в рамках сформулированных в свое время достаточно жестких дефиниций, или историки — главным образом пытавшиеся интерпретировать конкретно-историческое многообразие лютетарно-политических образований исключительно в этих же дефинициях, или юристы — для которых государство и власть означали не более чем оформленные фиксированными (прежде всего правовыми) нормами институты и механизмы. Только в последнее десятилетие в советском обществоведении конституировалась как самостоятельная дисциплина политология, для которой проблемы функционирования политических систем (включая анализ институтов и носителей власти главным образом на социологическом уровне) стали одними из приоритетных. Что касается этнологических исследований, то здесь давний интерес и несомненные успехи следует отметить в изучении традиционных форм институтов власти и ранней государственности у различных народов мира (особенно на отечественных и африканских материалах). Почти все эти разработки имели строго исторический контекст и рамки: от первобытности до конца XIX в. (в лучшем случае до начала XX в.). На современность, особенно на советскую действительность, было наложено табу.

Новая общественно-политическая ситуация и, самое главное, качественно новое состояние самого предмета этнологического знания, отмеченное взрывом национальных движений и кризисом сферы межнациональных отношений в стране, определили потребность и создали возможность для выхода советской этнологии на новые горизонты. Одним из таких новых направлений могут стать этнополитические исследования. Их предметной сферой видится изучение на основе соединения интересов и методик этнологии и политологии этнического фактора в политических структурах и политической культуре и, наоборот, роли политики и институтов власти в функционировании этнических систем и их взаимодействия. Благо, что у этого направления, наконец, появился столь существенный предметный спектр в виде формирующихся новых органов власти на общесоюзном, республиканском и местном уровнях и новых общественно-политических сил внутри и вне формальных властных структур. Предлагаемая статья представляет собой попытку продемонстрировать возможности этнополитического анализа. Ее предмет — Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР, который вошел в нашу историю как «первый советский парламент».

Народы СССР и федеральный парламент. Как известно, согласно новому закону о выборах, состав Съезда был избран по территориальным и национально-территориальным избирательным округам; 1/3 депутатов представляла общественные организации, список которых и квоты были также определены законом. Для более полного представительства различных национальностей параллельно со структурой обычных территориальных округов (по численности избирателей) существует система национальных округов, размер которых определяется двумя факторами: квотой для разного уровня национально-государствен-

ных образований (32 — от союзных, 11 — от автономных республик, 5 — от автономных областей и 1 — от автономных округов), и численностью избирателей в этих образованиях. Имеется в виду, что именно система национальных округов как бы дополнительно гарантирует должный этнический состав депутатов в случае, если обычное территориальное представительство обеспечить этого не сможет.

Такая гарантия действительно необходима в ряде случаев, ибо квоты для республик, областей и округов подразумевают реализацию права на представительство в высшем органе власти тех народов, для которых и создана та или иная форма национальной государственности. Но эти «коренные» народы (или, точнее, народы, давшие название образованиям, по официальным дефинициям, «коренные нации и народности») в ряде случаев не составляют большинства населения даже в некоторых союзных и автономных республиках (Казахстан, Якутия, Абхазия и др.), не говоря уже об автономных областях и округах (в автономных округах Севера от 1,4 до 10% населения). Поэтому существует некая негласная конвенция, никак не зафиксированная конституционно, что представительство по национальным округам предпочтительно принадлежит кандидатам «коренного» этнического происхождения.

Мы не ставим здесь задачу оценивать избирательную систему и ход избирательной кампании, хотя анализ материалов избирательных комиссий по этническому составу кандидатов в депутаты мог бы дать чрезвычайно интересные результаты. Допустим априори, что действовавшая много десятилетий и не изменившаяся до сих пор двойная система избирательных округов выполняет свое предназначение, о чем формально свидетельствуют национальные составы предыдущих Верховных Советов и что, видимо, должен продемонстрировать национальный состав Съезда и настоящего Верховного Совета СССР. Хотя еще никто не доказал, что не сам принцип образования округов и волеизъявление избирателей, а заранее рассчитанное и спущенное сверху аппаратной системой «представительство» обеспечивало составлявшее многие годы нашу особую гордость этническое разнообразие в органах власти. По крайней мере в системе партийных органов и в местных органах власти, где не существовало и не существует уставных или конституционных гарантий для особого национального представительства, аппаратные расчеты были мощным механизмом для обеспечения вполне благополучных докладов мандатных комиссий о социально-профессиональном, половозрастном и национальном составе избранных органов.

Все это не означает, что мы в данный момент выступаем против системы национальных округов и соответственно вышеупомянутых квот. Но необходимо предвидеть, что при системе, когда квоты предназначены не для народов, а для национально-государственных и национально-территориальных образований, утверждающийся процесс состязательности кандидатов на выборах, пробуждающиеся активность и заинтересованность избирателей и новые возможности их подлинного волеизъявления, т. е. развитие общедемократического процесса, разрушат до этого безотказно действовавшую негласную конвенцию: квота для республики, автономной области или округа — это квота для представителей «коренного» народа. Паспортная запись о национальности будет все меньше значить в иерархии достоинства кандидата на выборах, даже если он баллотируется по национальному округу.

Как известно, избирательный закон не предусматривает каких-либо прав, связанных с этнической принадлежностью кандидатов. В этой ситуации вся система национальных округов, державшаяся на отсутствии альтернативного выбора и покорности или пассивности избирателя, неминуемо утратит свой смысл, все более сближаясь по своей результативности с системой обычного территориального представительства. Пока же на выборах 1989 г. эта система обеспечила добавочное национальное представительство, ибо именно через национальные округа прошли депутаты от десятков малых народов. Приведем для сравнения

Состав народных депутатов СССР по национальности

Национальность	Всего депутатов		В том числе					
			от территориальных избирательных округов		от национально- территориальных избирательных округов		от общественных организаций	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Всего депутатов	2249	100,0	749	100,0	750	100,0	750	100,0
В том числе:								
русские	1026	45,6	425	56,8	196	26,1	405	54,0
украинцы	258	11,5	120	16,0	45	6,0	93	12,4
белорусы	94	4,2	25	3,3	30	4,0	39	5,2
узбеки	87	3,9	27	3,6	38	5,1	22	2,9
казахи	53	2,4	21	2,8	11	1,5	21	2,8
грузины	71	3,2	12	1,6	42	5,6	17	2,3
азербайджанцы	60	2,7	12	1,6	39	5,2	9	1,2
литовцы	52	2,3	9	1,2	27	3,6	16	2,1
молдаване	43	1,9	10	1,3	24	3,2	9	1,2
латыши	44	2,0	6	0,8	26	3,5	12	1,6
киргизы	35	1,6	5	0,7	19	2,5	11	1,5
таджики	44	2,0	8	1,1	23	3,1	13	1,7
армяне	61	2,7	10	1,3	36	4,8	15	2,0
туркмены	40	1,8	5	0,7	25	3,3	10	1,3
эстонцы	41	1,8	5	0,7	25	3,3	11	1,5
абхазы	8	0,4	1	0,1	7	0,9	—	—
балкарцы	4	0,2	1	0,1	2	0,3	1	0,1
башкиры	11	0,5	4	0,5	3	0,4	4	0,5
буряты	9	0,4	1	0,1	7	0,9	1	0,1
народности Дагестана:								
аварцы	5	0,2	1	0,1	3	0,4	1	0,1
даргинцы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
кумыки	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
лакцы	1	—	—	—	—	—	1	0,1
лезгины	3	0,1	—	—	3	0,4	—	—
ногайцы	2	0,1	1	0,1	1	0,1	—	—
табасараны	1	—	1	0,1	—	—	—	—
ингуши	3	0,1	2	0,3	1	0,1	—	—
кабардинцы	6	0,3	1	0,1	5	0,7	—	—
калмыки	6	0,3	—	—	6	0,8	—	—
каракалпаки	5	0,2	—	—	5	0,7	—	—
карелы	4	0,2	1	0,1	2	0,3	1	0,1
коми	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
марийцы	9	0,4	1	0,1	4	0,5	4	0,5
мордва	11	0,5	3	0,4	6	0,8	2	0,3
осетины	13	0,6	2	0,3	10	1,3	1	0,1
татары	23	1,0	8	1,1	5	0,7	10	1,3
тувинцы	6	0,3	1	0,1	4	0,5	1	0,1
удмурты	4	0,2	2	0,3	2	0,3	—	—
чеченцы	7	0,3	2	0,3	4	0,5	1	0,1
чувашы	15	0,7	2	0,3	11	1,5	2	0,3
якуты	11	0,5	1	0,1	7	0,9	3	0,4
адыгейцы	4	0,2	—	—	3	0,4	1	0,1
алтайцы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
евреи	15	0,7	2	0,3	7	0,9	6	0,8
карачаевцы	3	0,1	2	0,3	1	0,1	—	—
хакасы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
черкесы	2	0,1	1	0,1	1	0,1	—	—
коми-пермяки	1	—	—	—	1	0,1	—	—
коряки	1	—	—	—	1	0,1	—	—
ненцы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
ханты	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—

Таблица 1 (продолжение)

Национальность	Всего депутатов		В том числе					
			от территориальных избирательных округов		от национально-территориальных избирательных округов		от общественных организаций	
	число	%	число	%	число	%	число	%
чукчи	1	—	—	—	1	0,1	—	—
эвенки	1	—	—	—	1	0,1	—	—
абазины	1	—	—	—	1	0,1	—	—
гагаузы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
дунгане	1	—	—	—	—	—	1	0,1
нанайцы	1	—	—	—	1	0,1	—	—
татары крымские	1	—	—	—	1	0,1	—	—
таты	1	—	—	—	—	—	1	0,1
уйгуры	1	—	—	—	1	0,1	—	—
венгры	1	—	1	0,1	—	—	—	—
греки	1	—	—	—	—	—	1	0,1
корейцы	4	0,2	1	0,1	3	0,4	—	—
немцы	10	0,4	3	0,4	5	0,7	2	0,3
поляки	7	0,3	3	0,4	2	0,3	2	0,3

этнический состав депутатов, избранных по территориальным и национально-территориальным округам, а также от общественных организаций (см. табл. 1) *.

Из этих данных видно, что структура национального состава депутатов, избранных по территориальным округам, отличается от структуры депутатов от национально-территориальных округов. В первом случае она более адекватно отражает национальную структуру населения страны за несколькими исключениями: а) доля русских (57%), а также еще трех-четырех народов несколько превышает их долю в составе населения; б) этническое представительство у этой части депутатского корпуса не столь разнообразно (представлена только 41 национальность) и отсутствуют представители немногочисленных народов. Здесь, видимо, сказались не только демографические факторы, но и, возможно, более высокий социально-профессиональный статус русских и других крупных народов, их большая политическая активность и подготовленность. Хотя для точной оценки необходимо проанализировать материалы избирательной кампании, по крайней мере по тем округам, где имелись альтернативные выборы. В остальных случаях аппаратные расчеты оказывались определяющим фактором, и говорить о том, что результаты выборов отражают действительную волю избирателей, можно с большой долей условности.

Интересно отметить, что если бы мы имели более простую и с общедемократической точки зрения более естественную систему выборов (без национально-территориальных округов и выборов от общественных организаций), то структура съезда выглядела бы именно так, как она представлена на рис. 1. Но при полностью альтернативных выборах, которые, я надеюсь, ожидают нас в будущем, она может иметь и отличия. По крайней мере «сверхпредставительство» русских может быть снижено, так как в республиках ряд русских по национальности партийно-государственных работников могут не одержать победу на выборах в конкуренции с кандидатами, представляющими доминирующую этническую группу. Хотя с ростом гражданственности и политической культуры вполне возможны и обратные варианты.

Среди той части депутатов, которые избраны от национально-территориальных округов, представлено 59 национальностей. Здесь доля русских и украинцев в 2 раза меньше их доли в составе населения, и эти «изъятия» пошли в поль-

* Автор выражает благодарность М. Я. Малаховой за обработку данных на ЭВМ.

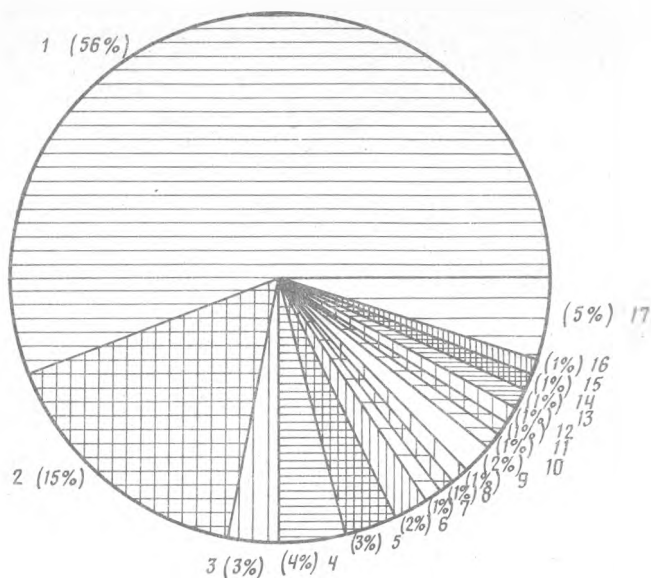

Рис. 1. Национальный состав депутатов, избранных от территориальных округов: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — татары, 8 — армяне, 9 — таджики, 10 — грузины, 11 — молдаване, 12 — литовцы, 13 — латыши, 14 — туркмены, 15 — киргизы, 16 — эстонцы, 17 — другие

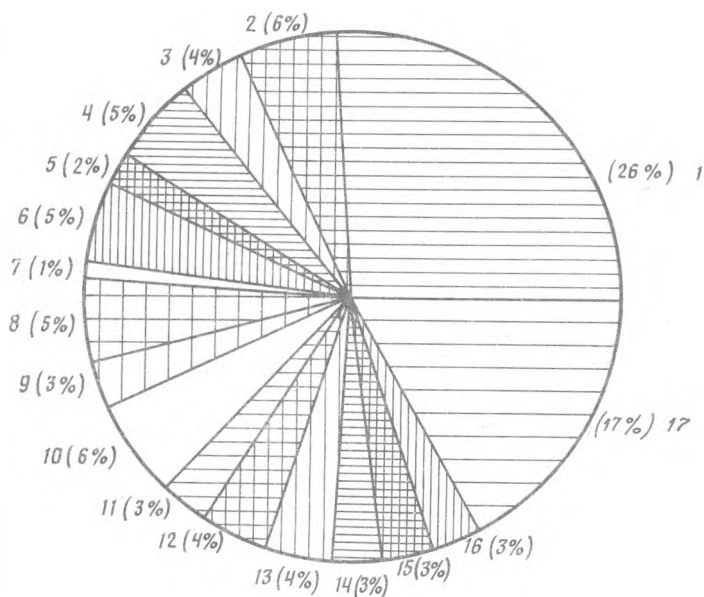

Рис. 2. Национальный состав депутатов, избранных от национально-территориальных округов: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — татары, 8 — армяне, 9 — таджики, 10 — грузины, 11 — молдаване, 12 — литовцы, 13 — латыши, 14 — туркмены, 15 — киргизы, 16 — эстонцы, 17 — другие

зу как «коренных» народов союзных республик, так и малочисленных народов (см. рис. 2). Для некоторых народов эти округа оказались единственными, через которые было обеспечено их представительство: по ним избраны, в частности, все 5 депутатов-каракалпаков и 6 калмыков, 7 из 8 абхазов, 7 из 9 бурят, 25 из 41 эстонца, 26 из 44 латышей, 42 из 71 грузина.

Сможет ли эта система работать на будущих выборах при условии введения полной альтернативности, вопрос, конечно, очень сложный. Введение же обязательности определенной национальной принадлежности для кандидатов в депутаты по национально-территориальным округам фактически невозможно, да и было бы огромным шагом назад в построении гражданского общества и его демократизации, чревато новыми межнациональными осложнениями.

В третьей группе депутатов (от общественных организаций) имеются представители 36 национальностей (рис. 3). Мы не считаем возможным делать какой-либо анализ, ибо, по нашему мнению, это временное порождение нашей избирательной реформы справедливо было расценено общественностью как уступка старой системе и у нее нет будущего.

Хотя этническое разнообразие среди депутатов, избранных от национальных округов, больше, чем среди депутатов от территориальных округов и общественных организаций, общая картина по всему депутатскому корпусу внешне существенно не отличается от кабинетно рассчитанной этнической мозаики Верховных Советов застойного времени.

Специалистов, бесспорно, интересует вопрос, насколько новый парламент страны отразил этническую структуру советских избирателей и обеспечил представительство народов. Полученные нами результаты дают следующую картину (см. табл. 2).

Среди 2249 народных депутатов СССР граждане 65 национальностей. Несколько десятков народов СССР не получили представительства на Съезде (в их числе айсоры (ассирийцы), алеуты, болгары, вепсы, долгане, иранцы (персы), ительмены, караимы, кеты, китайцы, курды, манси, нганасаны, негидальцы, нивхи, орочи, румыны, саами, селькупы, сербы, словаки, талыши, тофалары, турки, удины, ульчи, финны, цакуры, цыгане, чехи, шорцы, юкагиры, эвены, эскимосы).

При выборах в Верховный Совет СССР (см. табл. 2) было «потеряно» представительство еще 7 народов (карачаевцы, греки, таты, абазины, лакцы, табасараны, венгры), а в Совете Национальностей в конечном итоге сейчас представлено 55 народов, т. е. менее 50% от общей численности этнических групп в СССР. Уровень представительства народов в депутатском корпусе не адекватен их доле в составе населения страны, а значит, и численности избирателей. Это прежде всего касается трех самых многочисленных народов: русских — 1026 депутатов, украинцев — 258, узбеков — 87 или, соответственно — 45,6, 11,5 и 3,9% — от всех депутатов. А их доля в населении страны: русских — 52,4%, украинцев — 16,1%, узбеков — 4,7%. Это же относится к ряду народов, у которых хотя и есть автономии, но значительная часть их живет за пределами последних (татары, башкиры). Недостаточно представлены некоторые народы, не имеющие своих национальных государственных образований, например немцы — 10 депутатов (0,4% депутатского корпуса и 0,73% населения всей страны), греки — 1 депутат (0,04 и 0,13%), хотя некоторые из этих народов обеспечили почти пропорциональное представительство: евреи — 15 депутатов (0,66 и 0,69%), поляки — 7 депутатов (0,31 и 0,43%).

«Недобор» некоторыми народами своего представительства безоговорочно ушел в пользу народов, имеющих свою государственность на уровне союзных республик (кроме казахов и белорусов, представительство которых почти адекватно доле населения). Более чем вдвое по сравнению с долей населения имеют депутаты грузины — 71 (3,2 и 1,3%), литовцы — 52 (2,3 и 1,0%), латыши — 44 (1,9 и 0,5%), эстонцы — 41 (1,8 и 0,38%), туркмены — 40 (1,8 и 0,77%), киргизы — 35 (1,6 и 0,72%), а также народы некоторых автономий (осетины, якуты, буряты, кабардинцы, балкарцы и др.) Есть примеры разительных контрастов: у 1 млн. эстонцев 41 депутат, а у 6,3 млн. татар — 24, у 1,9 млн. немцев — 10, у 1,1 млн. поляков — 7, у 173 тыс. гагаузов — 2 депутата.

Состав членов Верховного Совета СССР* по национальности

Национальность	Обе палаты Верховного Совета СССР		Совет Союза		Совет Национальностей	
	число	%	число	%	число	%
Всего членов Верховного Совета СССР	542	100,0	271	100,0	271	100,0
В том числе:						
русские	206	38,0	149	55,0	57	21,0
украинцы	60	11,1	45	16,6	15	5,5
белорусы	20	3,7	10	3,7	10	3,7
узбеки	18	3,3	9	3,3	9	3,3
казахи	13	2,4	7	2,6	6	2,2
грузины	20	3,7	5	1,8	15	5,5
азербайджанцы	20	3,7	5	1,8	15	5,5
литовцы	14	2,6	4	1,5	10	3,7
молдаване	10	1,8	3	1,1	7	2,6
латыши	11	2,0	3	1,1	8	3,0
киргизы	10	1,8	2	0,7	8	3,0
таджики	15	2,8	4	1,5	11	4,1
армяне	16	3,0	3	1,1	13	4,8
туркмены	12	2,2	3	1,1	9	3,3
эстонцы	11	2,0	2	0,7	9	3,3
абхазы	2	0,4	—	—	2	0,7
балкарцы	1	0,2	—	—	1	0,4
башкиры	3	0,6	2	0,7	1	0,4
буряты	5	0,9	—	—	5	1,8
народности Дагестана:						
аварцы	1	0,2	1	0,4	—	—
даргинцы	1	0,2	—	—	1	0,4
кумыки	1	0,2	—	—	1	0,4
лезгины	1	0,2	—	—	1	0,4
ногайцы	1	0,2	—	—	1	0,4
ингуши	1	0,2	—	—	1	0,4
кабардинцы	2	0,4	1	0,4	1	0,4
калмыки	3	0,6	—	—	3	1,1
каракалпаки	2	0,4	—	—	2	0,7
карелы	2	0,4	1	0,4	1	0,4
коми	2	0,4	—	—	2	0,7
марийцы	2	0,4	—	—	2	0,7
мордва	4	0,7	1	0,4	3	1,1
осетины	6	1,1	1	0,4	5	1,8
татары	5	0,9	2	0,7	3	1,1
тувинцы	2	0,4	—	—	2	0,7
удмурты	2	0,4	1	0,4	1	0,4
чеченцы	2	0,4	1	0,4	1	0,4
чуваши	5	0,9	—	—	5	1,8
якуты	3	0,6	1	0,4	2	0,7
адыгейцы	1	0,2	—	—	1	0,4
алтайцы	1	0,2	—	—	1	0,4
евреи	3	0,6	—	—	3	1,1
хакасы	1	0,2	—	—	1	0,4
черкесы	1	0,2	1	0,4	—	—
коми-пермяки	1	0,2	—	—	1	0,4
коряки	1	0,2	—	—	1	0,4
ненцы	2	0,4	—	—	2	0,7
ханты	2	0,4	—	—	2	0,7
чукчи	1	0,2	—	—	1	0,4
эвенки	1	0,2	—	—	1	0,4
гагаузы	1	0,2	—	—	1	0,4
дунгане	1	0,2	—	—	1	0,4
нанайцы	1	0,2	—	—	1	0,4
татары крымские	1	0,2	—	—	1	0,4
уйгуры	1	0,2	—	—	1	0,4
корейцы	2	0,4	1	0,4	1	0,4
немцы	3	0,6	1	0,4	2	0,7
поляки	2	0,4	2	0,7	—	—

* Состав народных депутатов СССР. М., 1989. С. 41—43.

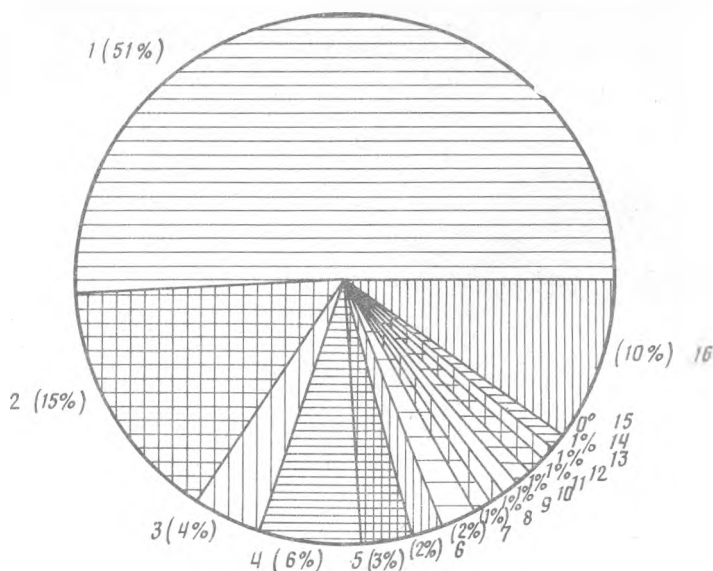

Рис. 3. Национальный состав населения страны: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — армяне, 8 — таджики, 9 — грузины, 10 — молдаване, 11 — литовцы, 12 — туркмены, 13 — киргизы, 14 — латыши, 15 — эстонцы, 16 — другие

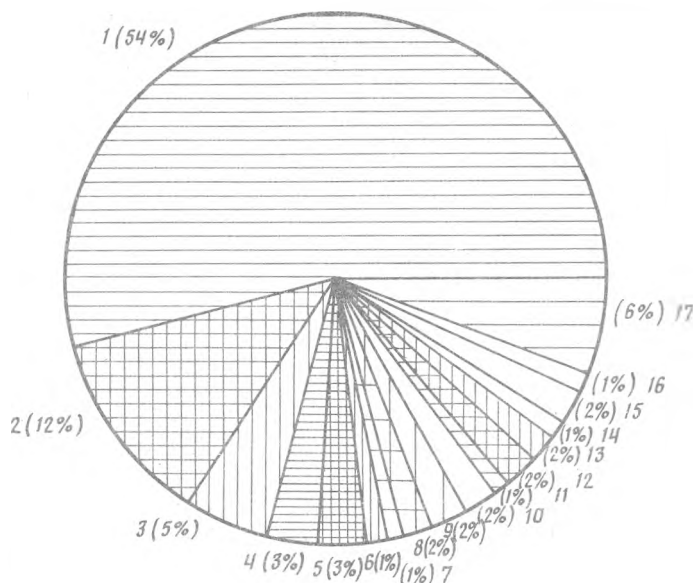

Рис. 4. Национальный состав депутатов, избранных от общественных организаций: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — татары, 8 — армяне, 9 — таджики, 10 — грузины, 11 — молдаване, 12 — литовцы, 13 — латыши, 14 — туркмены, 15 — киргизы, 16 — эстонцы, 17 — другие

Различия в этнических структурах населения страны, депутатского корпуса и состава Верховного Совета наглядно видны на рис. 4—6.

Попробуем проанализировать причины этих несоответствий. Главная из них, на наш взгляд,— сохраняющаяся иерархия национальных государственных образований, которыми располагают или же не располагают народы нашей

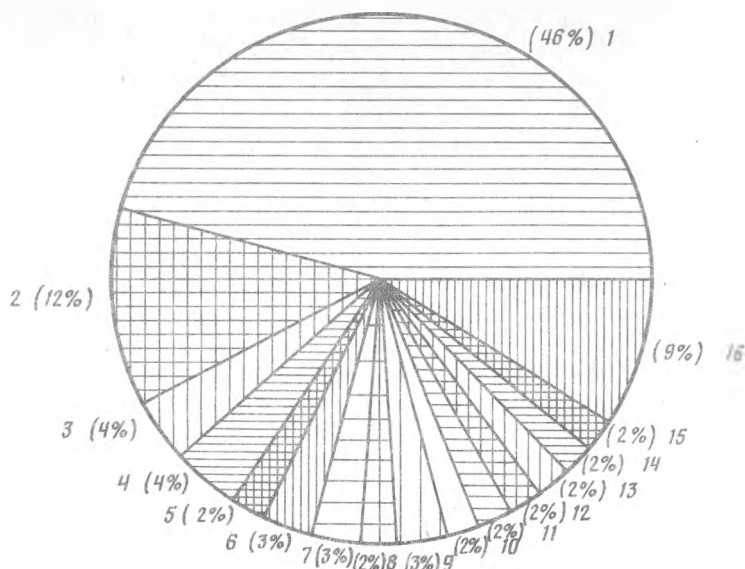

Рис. 5. Национальный состав депутатского корпуса Съезда: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — армяне, 8 — таджики, 9 — грузины, 10 — молдаване, 11 — литовцы, 12 — туркмены, 13 — киргизы, 14 — латыши, 15 — эстонцы, 16 — другие

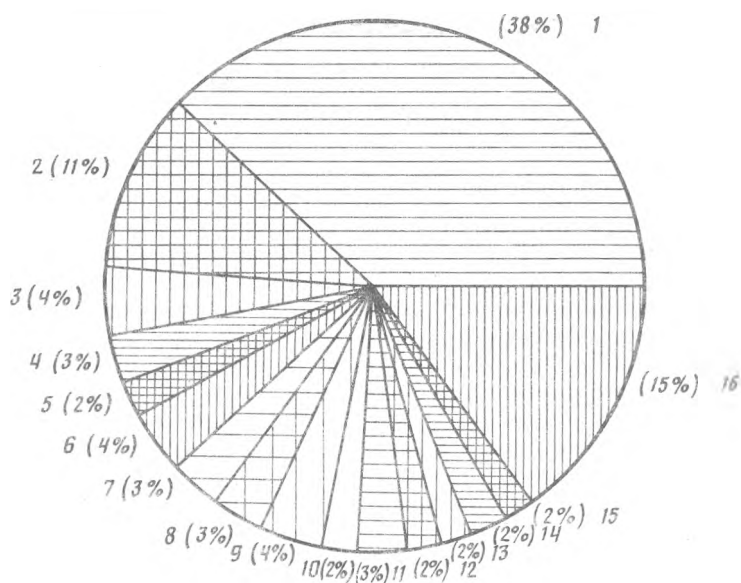

Рис. 6. Национальный состав депутатов Верховного Совета: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — армяне, 8 — таджики, 9 — грузины, 10 — молдаване, 11 — литовцы, 12 — туркмены, 13 — киргизы, 14 — латыши, 15 — эстонцы, 16 — другие

страны. Чем выше статус государственного образования, тем больше квота для избрания по национальным округам. Это своеобразная «фора» для некоторых народов, особенно тех, которые имеют более высокий статус при сравнительно небольшой численности и более моноэтническом характере населения «своих» образований, где им фактически не грозит потеря части мест по национальным округам в пользу представителей «некоренных» народов.

Помимо этой общей причины в отдельных республиках или регионах действовали и другие, не менее важные. Среди них можно назвать недемократическое, с явной направленностью обеспечить избрание депутатов определенной национальности установление размеров национальных избирательных округов. В некоторых союзных республиках, например в Латвии, размер избирательного округа в сельской местности, где живут преимущественно латыши, мог включать и 28 тыс. избирателей, в городе, где население более многонационально и значительную часть его составляют русские, округа включали по 150 тыс. избирателей. И хотя мандатная комиссия Съезда признала правомочность выборов по этим округам, такая практика явно противоречит обычным демократическим нормам.

Еще одна причина — это наличие в составе союзной республики, в данном случае, например, в Грузии, автономии для локальной группы грузинского народа, когда 11 дополнительных мандатов по национальным округам для Аджарской АССР пошли в пользу грузин. Этому же способствовало наличие в составе Грузии автономных Абхазии и Южной Осетии, из квоты которых часть мест получили также грузины. Тем самым сформировалась пятая по численности национальная группа среди народных депутатов (71 человек), хотя грузины занимают 9-е место по численности среди народов страны. Такое же дополнение получили и азербайджанцы за счет Нахичеванской АО.

Однако было бы неверно объяснять феномен этнического «сверхпредставительства» только вышеназванными причинами. Определенную и пока недостаточно изученную роль сыграл и фактор политического влияния национальных движений в ряде республик. В Прибалтике, Закавказье, Молдавии, где народные фронты и другие национальные движения стали мощной политической силой, влияние последних на ход выборов было очень сильным и безусловно способствовало избранию представителей от «коренных наций».

При выборах в Верховный Совет тенденция к сужению представительства самых крупных народов сохранялась: среди членов Верховного Совета снизилась доля русских (с 45,6 до 38%), украинцев, (с 11,5 до 11,1%), узбеков (с 3,9 до 3,3%), белорусов (с 4,2 до 3,7%). Сохранили примерно те же пропорции казахи, татары, башкиры, чуваша, марийцы. Все остальные, т. е. на сей раз не только «союзно-республиканские нации», свое представительство увеличили, за исключением евреев и аварцев. В целом общая доля всех остальных народов, кроме 15 «союзно-республиканских наций», увеличилась по сравнению с составом Съезда с 11 до 15%, превысив примерно в 2 раза долю этих народов в общей численности населения страны.

Для некоторых национальностей первые выборы в Верховный Совет были особенно успешными: коми и ханты имеют по два народных депутата, и все они были избраны в Верховный Совет.

Было бы заманчиво попытаться объяснить результаты выборов (если здесь имел место «выбор») активностью, личными качествами, известностью народных депутатов, их позициями. Но, как мы знаем, выбора при голосовании в Верховный Совет фактически не было, за исключением депутатов-москвичей. Был предварительный отбор, предложенный затем Съезду в виде списков по делегациям. Нам неизвестна во всех подробностях сама процедура отбора, хотя в республиканских делегациях проходили обсуждения и даже голосования. Причем вопросы этнического представительства занимали при этом отборе немаловажное место и даже в драматической форме выплеснулись на заседании Съезда, как это произошло с представительством от НКАО в составе азербайджанской делегации. Но в этой связи встает один пока еще до конца неосознанный вопрос: как в случае соблюдения обещанного принципа ротации депутатов в Верховном Совете будет сохраняться отвоеванное в политической борьбе или в результате аппаратных расчетов завышенное представительство для отдельных национальностей и обеспеченное благодаря этому в пределах допустимого самим составом депутатского корпуса почти максимально возможное национальное представительство в Верховном Совете?

Резервуар, из которого можно черпать или поддерживать это этническое разнообразие, ограничен. Коми и ханты, сразу же исчерпав свои возможности, при последующих ротациях должны будут утратить места в Верховном Совете. Те, кто «перебрал» в азарте и под воздействием понятного желания пройти свои парламентские уроки в первую очередь, должны будут недобрать при последующих выборах. Это означает, что представительство русских, украинцев, узбеков на 2-й или 5-й год работы парламента должно будет превысить их долю примерно на столько же, на сколько они ее уступили представителям других народов при первом раунде формирования Верховного Совета. Если в первом его составе русских стало на 8% меньше, то в последующих составах эта утрата должна компенсироваться аналогичным увеличением средней цифры: вместо 38% русских в 1989 г. их должно быть 54% при какой-либо из последующих ротаций.

Такова элементарная логика принципа ротации, если будет сохранен ее главный смысл, что все народные депутаты должны за 5 лет получить возможность войти в состав Верховного Совета. В этой связи можно вполне определенно прогнозировать рост моноэтничности (и по численности национальностей, и по их доле) состава Верховного Совета, причем скорее всего не за счет «союзно-республиканских наций», которым их «резервуар» позволяет участие в четырех ротациях, а за счет представителей малых народов. Хотя вполне возможно, что свободного «резервуара» депутатских мест от малых народов будет явно недостаточно, чтобы депутаты — русские и украинцы — смогли реализовать свое право на избрание в Верховный Совет. Придется делать это и за счет других «союзно-республиканских наций». Как же в этом случае быть с объявленной установкой, что никто не будет вмешиваться в дела республиканских делегаций при определении порядка ротации?

Нужно еще учесть то обстоятельство, что среди избранных на руководящие посты в Совете (председатели комитетов и комиссий и их заместители) большинство русских, а они, как предполагается, ротации не подлежат. Это означает, что они не будут уступать свое место соплеменникам, ожидающим очереди в статусе обычных народных депутатов, и последние смогут войти в Верховный Совет, вероятнее всего, за счет депутатов других национальностей. Все это обещает драматические коллизии и еще большую чувствительность и даже «воспаленность» этнических границ внутри самого депутатского корпуса.

Вполне возможно, что депутаты 55 национальностей в Совете Национальностей 1989 г. — это «звездный час» для палаты, призванной осуществлять представительство советских национальностей в парламенте страны. Дальше может быть только меньше! Ибо наивно ожидать, что при очередных выборах в Верховный Совет последует, скажем, со стороны депутатов-русских массовая акция, подобная поступку депутата Казанника, уступившего свое место Ельцину, отказ от своих мест в пользу депутатов другой национальности. Да и депутат Казанник совершил, как всем показалось, почти что подвиг, только получив гарантию впоследствии быть избранным в Верховный Совет.

Кстати, именно по этой же причине меня не обескуражило неизбрание в Совет ряда известных радикалов и других очень достойных депутатов. С точки зрения политической стратегии было бы гораздо хуже избрать при первых выборах всех «непослушных», тем самым отдав судьбу парламента данного созыва на последующих, в том числе завершающей (и может быть, более важной), стадиях в руки «послушных» депутатов. В этом случае политическая логика перестройки вошла бы в фатальный конфликт с эволюцией политического облика ее первого парламента.

Этнический состав делегаций. Дезинтегрирующие тенденции в общественно-политической жизни страны последних лет, наиболее отчетливо выраженные в позициях ряда союзных республик, сразу же и очень резко проявились в работе первого и второго Съездов народных депутатов и Верховного Совета. Общесоюзный характер парламента, его двухпалатная организация уступили место, как оказалось, более мощному фактору и принципу — республиканскому. Про-

странственное размещение депутатов по делегациям, проведенные по тому же принципу выборы в Верховный Совет, формирование Президиума, определенный порядок выступлений все с той же квотой для республик, не говоря уже о содержании самих выступлений, выявили в качестве определяющей силы Съезда не какие-либо политические, социально-профессиональные или регионально-территориальные группировки, а прежде всего республиканские с их интересами и проблемами. Исходя прежде всего из национальных устремлений, народные депутаты отодвинули на второй план интересы и проблемы общенародного, общегосударственного характера.

Безусловно, установка на разрушение вертикальных бюрократических структур и ослабление власти Центра, а также проблемы экономического, экологического и социально-политического характера, имеющие общесоюзный масштаб, почти во всех случаях приобретали национальную форму. Съезд во многих отношениях представлял собой собрание делегаций, а не высший общесоюзный законодательный орган, хотя с трибуны неоднократно делались напоминания его участникам, что они являются народными депутатами Союза Советских Социалистических Республик. Понятие «народный» подавляющим большинством выступавших депутатов понималось как депутат «своего», а не советского в целом народа.

В этом контексте рассмотрение депутатского корпуса по делегациям особо интересно для этнополитического анализа. Что представляет собой еще неосмысленный, но пока приветствуемый Центром и местами такой феномен в нашем союзном парламенте, его, можно сказать, основная структурная единица, как республиканские делегации? Для наших политиков, в том числе и основных «архитекторов» Съезда, а также и для массового общественного сознания образ и миссия делегаций от союзно-республиканских образований (пожалуй, за исключением только РСФСР) мыслятся как некий голос и выразитель соответствующей нации, т. е. понятия республики и ее «коренного» народа фактически идентифицируются.

Поведение делегаций на Съезде и многое в процедурной стороне его работы лишь закрепили эту исходную посылку, хотя в ряде случаев отчетливо проявилось ее несоответствие реалиям нашей жизни. Не случайно самые критические, трактуемые как «антинациональные» выступления в адрес, например, азербайджанцев, грузин, эстонцев, латышей прозвучали из их же собственных делегаций, т. е. парламентских «однокашечников». Объясняется это прежде всего тем, что каждая из делегаций представляет фактически многонациональное образование, как и сами наши союзные республики, до сих пор ошибочно трактуемые нашей политической теорией и конституционной практикой как «национальные государства». Поэтому состав делегаций не оказался моноэтничным, в них попали представители «некоренных» национальностей или же входящих в состав союзных республик автономий, интересы которых далеко не одинаковы. Более того, именно здесь пролегает наиболее болезненная ось открытых межнациональных конфликтов.

Приведем сводные данные по численности республиканских делегаций (табл. 3).

Общая численность делегаций определилась в конечном итоге демографическими факторами — численностью жителей республик избирательных возрастов, и поэтому порядок, в котором расположились делегации, примерно соответствует порядку, в котором располагаются республики по численности населения. Только делегация Грузии обогнала в этом списке делегацию Азербайджана, а Туркмения уступила Латвии. Грузинский феномен мы уже объяснили, что касается Туркмении и Латвии, то здесь, видимо, разница в населении примерно в 700 тыс. человек в пользу первой приходится главным образом на группы доизбирательного возраста из-за гораздо более высокой рождаемости в последние два десятилетия, а более высокая продолжительность жизни в Латвии обеспечивает в структуре населения лучшее представительство старших воз-

Число членов Верховного Совета СССР по союзным республикам

Союзная республика	Всего членов Верховного Совета СССР		В том числе			
			Совет Союза		Совет Национальностей	
	число	%	число	%	число	%
РСФСР	241	44,5	146	53,9	95	35,1
Украинская ССР	63	11,6	52	19,2	11	4,1
Белорусская ССР	21	3,9	10	3,7	11	4,1
Узбекская ССР	29	5,4	14	5,2	15	5,5
Казахская ССР	25	4,6	14	5,2	11	4,1
Грузинская ССР	26	4,8	5	1,8	21	7,7
Азербайджанская ССР	22	4,1	5	1,8	17	6,3
Литовская ССР	15	2,8	4	1,5	11	4,1
Молдавская ССР	15	2,8	4	1,5	11	4,1
Латвийская ССР	14	2,6	3	1,1	11	4,1
Киргизская ССР	14	2,6	3	1,1	11	4,1
Таджикская ССР	16	3,0	3	1,1	13	4,8
Армянская ССР	14	2,6	3	1,1	11	4,1
Туркменская ССР	14	2,6	3	1,1	11	4,1
Эстонская ССР	13	2,4	2	0,7	11	4,1
Итого по СССР	542	100,0	271	100,0	271	100,0

растных групп. Иными словами, в Туркмении населения больше, а избирателей меньше, чем в Латвии. Кроме того, от общественных организаций латышей было избрано больше, чем туркмен (12 и 9 соответственно).

Говоря о численности республиканских делегаций в контексте демографической ситуации, немаловажно заметить, что последняя будет оказывать существенное влияние на этнический состав, а значит, и политический облик советских парламентав следующих созывов. За последние 30 лет численность населения в РСФСР, Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выросла примерно на 30—40%, в Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР примерно в 2—3 раза. По данным переписи 1989 г., за последние 10 лет население первой группы республик возросло на 7—9%, второй группы — на 28—34%. Это означает, что в республиках с быстрыми темпами роста населения в следующие 5—10 лет резко увеличится число избирателей, а вместе с этим и представительство от этих республик (причем, от основных народов, на которые и приходится более высокий прирост) в высшем законодательном органе страны.

Учитывая социальную структуру населения быстро растущих республик (преобладание сельских жителей) и уровень его политической культуры (вспомним призыв депутата от Средней Азии разойтись побыстрее по домам к детям), можно ожидать снижения качественных характеристик депутатов как парламентариев-законодателей. Если, конечно, быстрый демографический рост не дополнится столь же быстрым ростом гражданской активности и политической культуры избирателей и депутатов этого региона. Но в любом случае пропорциональное снижение представительства народов и республик с низкой рождаемостью уменьшит их возможности в выражении своих интересов и влияния на процесс принятия решений, особенно на стадии голосования. Зато возможности тех, кто увеличит свое представительство, по крайней мере при голосовании, вполне естественно будут большими.

Проанализируем этнический состав делегаций. Попробуем определить некоторые общие закономерности и типологию избирательного поведения (не осмелюсь употребить слово «граждан», ибо на этих выборах пока далеко не все от них зависело в республиках).

Первое — это вопрос о представительстве основного народа. В большинстве республик (10 из 15) выборы прошли в пользу этих народов. Особенно большой разрыв между долей в составе населения и долей в составе делегации имеется у латышей (+24%), эстонцев (+16%), киргизов (+12%). В пяти республиках доля депутатов от основного народа меньше его доли в составе населения, особенно у русских (—12%) и белорусов (—9%).

Второе — какие другие группы населения смогли также увеличить пропорциональное представительство. В 9 республиках к ним относятся русские +14% в Таджикистане, +10% в Армении, +8% в Белоруссии, +6% на Украине и в Молдавии, +4% в Киргизии, +3% в Узбекистане, Туркмени, Азербайджане. Из других основных групп увеличение доли имеют только украинцы в Белоруссии (+6%), РСФСР (+1%), Казахстане (+1%) и в Узбекистане (+3%), гагаузы в Молдавии (+2%), белорусы в Эстонии (+1%) и чуваш в РСФСР (+1%). Группы, не входящие в число четырех самых многочисленных («другие»), смогли увеличить свою долю в РСФСР (+10%), что вполне понятно, учитывая большое число автономий и народов в ее составе, и в Грузии (+8%), прежде всего за счет абхазов; несколько увеличить ее в Казахстане и Литве (+3%), а также в Эстонии (+1%), где избран один депутат-еврей.

Третье — за счет каких групп произошли вышеназванные увеличения доли депутатов. В ряде случаев, о которых шла речь выше, частично за счет основных народов, но в большинстве случаев за счет других крупных и малых групп. Из крупных групп самый большой «урон» понесли русские в Латвии (—18%) и Эстонии (—17%), узбеки в Таджикистане (—16%) и в Киргизии (—7%), украинцы в Молдавии (—9%), азербайджанцы в Армении, где они, составляя 5% населения (до массового переселения в ходе карабахского конфликта), не получили ни одного депутатского мандата, а также армяне в Грузии (—6%) и немцы в Казахстане (—5%).

В 9 республиках снизили свою долю и сравнительно малочисленные группы: в Молдавии и Киргизии, где они составляют 6% населения, им не досталось ни одного мандата.

В целом же тенденция к доминированию в обновляемых политических структурах страны «коренных наций» республик на материалах Съезда народных депутатов прослеживается вполне отчетливо. Она опирается не только на рост национального самосознания и национальных движений за самоопределение, но и на всю идеологию и уже практику перестройки в сфере межнациональных отношений. Как известно, в основу этой перестройки положено расширение прав республик как суверенных государственных образований. Если даже удастся сохранить целостность СССР, при такой установке это никак не устраним наиболее острых вопросов межнациональных отношений, связанных с неравноправным статусом народов, правами меньшинств и положением малых народов, не имеющих никакой государственности. Нашему парламенту, который во многих отношениях напоминает скорее ассамблею 15 «титულных наций», еще придется столкнуться со всеми этими проблемами.

Откровенно говоря, анализируя депутатский состав по республикам, мы бы предпочли «взвешивать» при оценке итогов выборов не национальность депутата, а его личные качества, гражданскую позицию, политическую платформу, т. е. те факторы, которые в нормальном гражданском обществе при демократическом избирательном процессе должны играть определяющую роль. В конечном итоге мы ведь выбирали не некий этнопарламент или своего рода «ассамблею советских наций», и к тому же конституция и избирательный закон у нас не предусматривают никаких особых этнических прав.

Следует отметить, что состоятельность качеств кандидатов в депутаты в ходе выборов действительно имела место, особенно в условиях альтернативности в этнически гомогенных районах и в крупных городах с более сильными интернациональными традициями и этнической терпимостью. Мы не можем привести весь список депутатов, победивших на выборах в инациональной для них

и «родной» для их противников среде избирателей. Анализ материалов избирательной комиссии в этом плане был бы очень интересен. Но можно с уверенностью сказать, что список это невелик. И все же напомним известные нам случаи: в Москве (около 90% избирателей — русские) победили на альтернативной основе армянин Гдлян, украинцы Станкевич и Беляев, еврей Заславский, по Дальневосточному национально-территориальному округу (95% избирателей — русские) победила нанайка Гаер, в Ереване (95% армяне) — русская Старовойтова.

Однако было бы ошибкой считать, что этнический фактор и в последних примерах полностью уступил свой приоритет другим при волеизъявлении избирателей. Речь идет о явлениях, когда те или иные народы, особенно имеющие сильные политические движения и национальную «сверхидею», вполне сознательно делегировали свой мандат иноэтническому кандидату, как правило, представляющему численно и политически доминирующий народ (в данном случае русских), чтобы получить дополнительные возможности для реализации своей цели и одновременно снизить возможность обвинения в свой адрес в национализме. Наглядный тому пример — «феномен Старовойтовой», когда научный сотрудник из Москвы вполне определенно высказалась в поддержку требований армян о передаче Нагорного Карабаха Армянской ССР, была затем решительно избрана депутатом в Армении и выдвинута на общесоюзную политическую арену. 100-тысячный митинг ереванцев, скандировавших «Га-ли-на!» по поводу одержанной Г. В. Старовойтовой победы, на самом деле скандировал «Карабах!»

Представляется, что явление «иноэтнического делегирования», но с четким национальным интересом может стать еще более распространенным в будущем, когда некоторые народы и группы, особенно не имеющие пока достаточно сильной и подготовленной национальной политической элиты, предпочтут в парламенте не иметь малоспособного соплеменника, а ангажировать для представительства более опытных и квалифицированных политиков из другой, преимущественно доминирующей этнической среды, но разделяющих их национальные интересы и проблемы и способных их отстаивать и разрешать более эффективно. Пока же в нашем первом парламенте, как и в прошлом, цена депутатства исчисляется в большой степени местами, а не головами, что неизбежно абсолютизирует национальное представительство «по крови».

Оценивая все вышеизложенное, можно сделать ряд общих заключений. Во-первых, первый советский парламент, представляя собою огромное завоевание перестройки, в то же время отразил всю сложность существующей в стране ситуации в сфере межнациональных отношений и одновременно недостаточную продуманность и половинчатость политической реформы в той ее части, которая касается формирования высшего законодательного органа страны. Во-вторых, сам по себе многонациональный состав советских граждан и характер государственного устройства даже при самых, казалось бы, «идеальных» рецептах должны и будут определять противоречивость и облика федерального парламента: его депутаты всегда будут стоять перед дилеммой отстаивания интересов общесоюзного характера и интересов своих выборщиков. Но это вполне естественный процесс, который в других парламентах мира регулируется демократическими процедурами и в сложной политической борьбе. В-третьих, в ходе дальнейшей демократизации общественной жизни всякая абсолютизация и первичный приоритет этнических принципов (даже если они воплощаются через национально-государственную форму) в общесоюзном парламенте должны будут уступить основополагающим принципам политической организации гражданского общества на основе общедемократических ценностей, норм и представлений. Однако это не означает, что для утверждения облика общесоюзного парламента необходимо покончить с его обликом ассамблеи наций. Это нелегкое сосуществование в определенной мере императив нашего многонационального государства. И все же перспективной и наиболее гармоничной формулой высшего органа власти в СССР нам представляется формула общесоюзных

начал и общегосударственного представительства в сочетании с дополнительным (а не главным!) механизмом, обеспечивающим интересы и представительство всех народов, населяющих нашу страну. У нынешнего, промежуточного варианта нет будущего.

© 1990 г.

О. И. Бруси́на

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕЛА УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА ОСЕНЬЮ 1989 г.

(миграции некоренного населения)

До сих пор доступные обществу сведения об этнической ситуации в каком-либо регионе страны, как правило, поступали от журналистов, в поле зрения которых попадали в основном крупные национальные выступления и конфликты. Освещение их было далеко не всегда свободно от погрешностей. Публикация же материалов профессионального этнографа, касающихся даже частных фактов, позволит дополнить, а в чем-то и уточнить находящуюся в обращении информацию и будет способствовать разумному практическому решению некоторых проблем.

В Узбекистане (полевые исследования в основном велись именно в этой республике) особенно после ферганской трагедии сложилась тревожная ситуация: накопилось много социальных, экономических и национальных проблем, переплетенных между собой и создающих предпосылки для возникновения конфликтов. События в самой Ферганской долине отражены в прессе (хотя предлагаемые комментарии не встречают всеобщего признания)¹, а вот о том, какой отзвук вызвали они в других районах республики, на периферии охваченной волнениями территории, известий практически не было. Между тем происходящие в стране и республике процессы, связанные с проявлением в самых разных формах национальных интересов и требований, вызывают обостренную реакцию у населения именно полиэтничных районов, спокойствие и безопасность жителей которых могут нарушиться сейчас даже из-за незначительного инцидента. Материалы экспедиций, состоявшихся в июне 1987 г. и в сентябре-октябре 1989 г., показывают, как отразились эти процессы на жизни далекого от политики (по крайней мере до последнего времени) населения многонациональных сел, где десятилетиями накапливались опыт и навыки межнационального общения, происходило знакомство с иноэтничной культурой, где представители разных национальных групп были связаны соседскими, дружескими и родственными отношениями.

Экспедиции работали в Сырдарьинской и Ташкентской обл. Узбекской ССР, в Чимкентской обл. Казахской ССР — в девяти населенных пунктах*, основанных в конце XIX — начале XX в. крестьянами-переселенцами из российских и малороссийских губерний. В прошлом все это — территория Голодной степи, входившая в Ходжентский уезд Самаркандской обл.²; население здесь было до-

* Экспедиция 1989 г. в составе Л. В. Кирпичниковой, А. Ю. Кузина и автора статьи работала в Гулистанском (населенные пункты Крестьянское, Октябрьское, им. Крупской, Красноармейское) и Ворошиловском (населенные пункты Верхневолынское, Нижневолынское и Гулистан) районах Сырдарьинской обл., с. Сретенка Бекабадского р-на Ташкентской обл. и п. г. т. Славянка Пахтааральского р-на Чимкентской обл. В июне 1987 г. автором индивидуально велась работа в Гулистанском и Ворошиловском р-нах. Всего опрошено более 60 информаторов, из которых большинство — русские и украинцы, около пятнадцати — узбеки, несколько крымских и казанских татар, казахов, два турка-месхетинца, одна гречанка, одна корейка.